

В ночном саду стояла неестественная тишина — ни стрекота насекомых, ни шороха мелких зверьков.

Позади дома, сразу за ухоженным садом, лежало озеро, прозванное Зеркальным. Его гладь была настолько неподвижной, что даже ветер, пробегая мимо, не мог поднять на воде легкую рябь.

Спокойная вода слабо светилась во тьме ночи, пока маленькая белая лодка скользила к самой середине водоема.

Туман рассеялся.

Здесь всё было видно удивительно отчетливо, вплоть до черт лица Бай Яня.

Они сидели в лодке, откинувшись на мягкие белые подушки; под ногами шуршали груды шелка. Бай Янь бросил мимолетный взгляд на темный силуэт, замерший у кромки берега, и задул единственный фонарь.

Без душной романтики, без удушливого аромата цветов, без вечной слежки и давящих правил — они наконец-то смогли расслабиться.

Поглаживая кольцо, Бай Янь негромко заговорил:

— Это озеро связывает два мира, оно — слепая зона для здешних правил. Ты сорвал их ритуал, так что девочка пока в безопасности.

Он не стал уточнять, что это за ритуал, но Ши Юйчуань и сам прекрасно понимал: ничего хорошего от него ждать не приходилось.

— Когда в том, внешнем мире рассветет, вы сможете уйти.

Таков закон этого места, а законам здесь подчинялось всё без исключения.

— Все правила инстанса стянуты сюда. Снаружи не придется так сильно осторожничать.

Именно поэтому он так упорно твердил Юйчуаню о Зеркальном озере. Самими настройками роли ему запрещалось приходить сюда по своей воле — требовалось, чтобы прогулку по воде предложила именно мисс Сувэй. Только тогда выполнялось условие.

— Просто убейте ту женщину и убирайтесь из поместья до наступления ночи.

Госпожа владеет достаточным количеством осколков силы. Если расправиться с ней и забрать билеты, то поместье можно будет покинуть навсегда, не боясь снова оказаться затянутым в кошмар.

Грубо, прямолинейно, зато надежно и просто.

Ши Юйчуань согласно кивнул. В здешних снах висело слишком много ограничений, подавляющих способности игроков. Столкнуться с материальными пепельными зверями-бабочками в реальном мире для них окажется куда проще.

В конце концов, опытные игроки при должной командной работе вполне способны продержаться снаружи одну ночь.

Договорить они не успели: со дна озера цепочкой потянулись мелкие пузырьки воздуха, предвещающая появление чего-то из глубин.

Перегнувшись через борт, Ши Юйчуань вгляделся в воду. Прямо под поверхностью колыхались обтянутые плотной скорлупой коконы, и некоторые из них вяло шевелились.

— Вся эта вода кишит незрелыми яйцами пепельных зверей, — пояснил Бай Янь. — Каждый, кто погибает в этом месте, обращается в такой кокон и опускается на дно. Одни остаются здесь, другие переходят на ту сторону.

— Эти твари слепы, они могут ориентироваться лишь по... — Он осекся.

Прямо во время его слов из воды беззвучно выкарабкалось существо с роскошными, переливающимися крыльями бабочки и принялось расправлять их в ночной прохладе.

Ши Юйчуань хотел было задать вопрос, но Бай Янь мгновенно зажал ему рот ладонью и увлек за собой, опрокидывая на дно лодки.

Теперь они лежали совсем рядом. Бай Янь навис сверху, упираясь рукой в деревянный борт. Ши Юйчуань чувствовал его тепло и то, как юноша инстинктивно затаил дыхание. Вскоре мир вокруг сузился до шуршания тяжело взмахивающих крыльев.

Ши Юйчуань осторожно отвел ладонь Бай Яня от своего лица и, не проронив ни звука, быстро начертил пальцем на его ладони вопрос:

«Острый слух, но нет зрения?»

Бай Янь кивнул и улегся рядом, плечом к плечу. Они лежали неподвижно, наблюдая за тем, как смутная тень бесшумно пронеслась над лодкой. Спустя мгновение с берега донесся

душераздирающий вопль.

Этот полный ужаса крик послужил сигналом. Вся гладь озера словно закипела: коконы принялись лопаться один за другим, выпуская созревших зверей, и вода запенилась от бесчисленных пузырей.

Кругом разворачивалась кровавая жатва, но Бай Янь чувствовал лишь, как бешено колотится его собственное сердце в этой близости.

Хрупкое белое суденышко качалось из стороны в сторону, задеваемое выбирающимися на воздух пепельными зверями. Мужчины затаились, пережидая эту охоту.

Те самые призрачные гости, что на званом вечере уплетали серое мясо, теперь сами поменялись ролями с добычей. Длинные, кожистые хоботки чудовищ в несколько глотков высасывали их досуха, оставляя лишь сморщенные оболочки.

Юйчуань мимолетно забеспокоился о системе, но, вспомнив про гибкое кошачье тело ее аватара, решил, что с ней ничего не случится.

«Почему ты здесь?»

Этот вопрос давно не давал ему покоя, но времени на разговоры постоянно не хватало. В конце концов, одной из его главных целей в этом инстансе было забрать Бай Яня с собой.

Пальцы Бай Яня, сжимавшие запястье Юйчуаня, на мгновение дрогнули. Справившись с секундной слабостью, он принялся выводить ответ на его ладони:

«У меня свои пути. Снаружи вам нужно только убить Госпожу».

«Она слаба. Намного слабее, чем вы думаете...»

Внезапно все озеро содрогнулось от мощного толчка.

И дело было далеко не в воде. Небо, само поместье и даже раскинувшийся вдали лес заходили ходуном.

Только что вылетевшие на охоту пепельные звери в панике бросились врассыпную. Пространство сновидения стремительно теряло стабильность.

«Девочка мертва. Проход, созданный для главной героини, закрывается».

Выведя эти слова, Бай Янь резко приподнялся, распахнул рубаху и, достав из-за пояса кинжал, без колебаний полоснул себя по боку. Из глубокого пореза хлынула кровь, но юноша, не обращая на нее внимания, запустил руку в рану и извлек наружу небольшую окровавленную книгу.

На обложке значилось: «Жемчужина».

Эта карманная книжица в темном кожаном переплете со сверкающим золотым тиснением не испачкалась ни единой каплей — неведомая сила надежно оберегала ее от скверны.

Зажав сочащуюся рану ладонью, Бай Янь впихнул книгу в руки Юйчуаня. Когда бурление под водой утихло, а разлетевшиеся твари скрылись из виду, он твердо произнес:

— Не смей возвращаться сюда.

У той женщины достаточно билетов, чтобы спасти всю вашу группу.

Лодку незаметно вынесло на самую середину озера. Тихая зеркальная гладь теперь ходила бурными волнами, а небесный свод лихорадочно мерцал, стирая границы между днем и ночью.

— Твоя ситуация отличается от остальных: ты здесь в своем настоящем теле, поэтому тебе нужно уходить через воду, — Бай Янь вглядывался в мутную глубину, проверяя, не собирается ли вылупиться еще кто-нибудь.

Юйчуань спрятал книгу и, оперевшись на борт, тихо спросил:

— Вместе?

— Сначала уходи ты. Я приду на платформу к отправлению поезда, — Бай Янь отвернулся, пряча лицо. В уголках его глаз, скрытых от чужого взора, вспыхнуло алое пламя безумия.

«А-а-а! Наконец-то свобода!» — рожденное из первобытной ярости альтер-эго Бай Яня, заснувшее в самом начале захода в инстанс, пробудилось от мощного эмоционального всплеска хозяина тела.

— Иди же, пока этот сон не рухнул окончательно, иначе дороги назад не будет, — выдавил Бай Янь, крепко зажмурившись, чтобы скрыть перемены в глазах.

Юйчуань выпрямился во весь рост на носу лодки. Настаивать он не стал.

Перемены застали их врасплох, без какой-либо подготовки. Раз уж Бай Яню удалось получить столь высокую роль в этом инстансе, значит, его связь с правилами мира была невероятно глубокой. У самого Юйчуаня пока попросту не хватало сил вырвать его отсюда силой.

— Жди меня.

С этими словами он плавно опрокинулся навзничь, погружаясь в ледяные объятия озерных глубин.

Он стремительно уходил на дно. Силуэт белой лодки наверху уменьшался, превращаясь в крошечную точку. Вокруг него в толще воды парили светящиеся голубыми и зелеными огоньками коконы, медленно пульсируя в такт какому-то жуткому ритму.

Самый низ озерной чаши представлял собой сплошное кладбище — выбеленные временем кости громоздились там целыми горами.

Просочившись сквозь этот пласт мертвечины, Юйчуань вновь очутился в первозданной, вязкой пустоте, из которой когда-то пришел.

* «Ты действительно не хочешь уйти с ним?»* — раздался в сознании чистый, лишенный эмоций голос.

На раскачивающемся посреди бури Зеркальном озере Бай Янь безучастно лежал на дне лодки, позволяя крови свободно сочиться из распоротого бока.

— Я уже слишком глубоко увяз в этом инстансе.

Время в закрытых зонах текло по своим законам. Он провел здесь непозволительно много дней, но зов кольца упрямо твердил: именно в этой бездне он наконец встретит Ши Юйчуаня.

Альтер-эго лишь презрительно фыркнуло:

— Тьфу, увяз? Стал единым целым с этой помойкой? Да этот мусор недостоин даже твоей тени! Зачем тебе сливаться со здешней гнилью, если ты можешь полностью слиться со мной? Отбрось оковы разума, покорись инстинктам...

Бай Янь промолчал, устремив взор на небосвод, который раскалывался на куски, обнажая бездонные серые провалы первозданного хаоса.

Будучи ведущим сознанием, во время прошлого насильственного слияния он едва не прекратил существование. Он прекрасно понимал, что, поддавшись безумию, обретет колоссальное могущество, но глубоко внутри теплилось слабое чувство, удерживающее его от шага в бездну.

— Выпусти меня. Я вырежу весь этот сброд под корень, а потом мы отправимся в следующее чистилище. Разве тебе этого не хочется? — его голос, величественный и чистый, словно у божества, изрыгал сладкий дьявольский яд искушения.

С тех пор как их насильственный союз распался, темная сущность с раздражением обнаружила, что власть хозяина над телом лишь укрепилась. Те часы ночного господства, что раньше принадлежали безумцу по праву, испарились без следа. Теперь, чтобы хотя бы приоткрыть глаза, ему требовалось либо прямое согласие Бай Яня, либо глубокая трещина в его душевном равновесии.

И это осознание лишало его остатков терпения, разжигая лютую злобу.

— Я намного сильнее тебя.

Нынешнее бессилие Бай Яня казалось ему жалкой, нелепой шуткой.

— Я могу уничтожить всё, что представляет угрозу для него.

Он знал, как дорог хозяину Ши Юйчуань. В этом их чувства полностью совпадали.

— Ты — никчемный слабак, не способный ни на что! Но я другой!

В голосе безумца klokотала ярость. Он смертельно устал от этой невидимой клетки. За долгую жизнь он сменил немало ведущих личностей, и все они обладали на редкость хрупким рассудком, но нынешний Бай Янь ухитрился держать его в узде с поразительным упорством.

Где же он просчитался?

Тень предпочла умолчать о том, что при виде ослепительного белого престола в его груди заплясал дикий восторг. Это место принадлежало ему. Только ему одному. К нему вернулись обрывки древней памяти о сидении на том троне: склоненные в безмолвном почтении боги, потоки неземного света, льющиеся с небес...

Эти видения убеждали безумца, что когда-то он занимал неизмеримо более высокое положение в мироздании.

Слушая бесконечные оскорбления своей темной половины, Бай Янь не произнес ни слова, безропотно позволяя серой пустоте поглотить лодку вместе с ним.

Пройдя через мучительный распад и обратное слияние ментальных сил, они окончательно зашли в тупик. О прежнем хрупком перемирии и совместных планах не шло и речи. Образовался замкнутый круг: чем сильнее альтер-эго жаждало крови и резни, тем жестче

хозяин стягивал ментальные оковы.

Жестокое подавление порождало лишь ответную волну ярости. Эта непрекращающаяся ментальная война грозила в любой момент обернуться катастрофой.

— Ты еще горько пожалеешь об этом. Весь этот мир обречен на падение.

Близился рассвет. Небо на востоке наливалось тусклым, серым полусветом, рассеивая ночной мрак.

Ши Юйчуань открыл глаза. Он лежал на роскошной кровати, его одежда была насквозь мокрой, а в пальцах была крепко зажата записная книжка в черной кожаной обложке.

Спустив ноги на пол, он покосился на Гроб усопшего. Тот распластался на ковре, нелепо раскинув в стороны все свои восемь лап.

Не обращая внимания на систему, Юйчуань коснулся пальцами серьги в ухе. Тотчас же по его телу пробежала волна чистой лазурной воды, мгновенно высушив одежду и вернув ощущение свежести.

Он бесшумно приоткрыл дверь. В коридорах поместья царило глубокое безмолвие — прислуга еще не приступала к утренним заботам.

Юйчуань не стал выходить в коридор. Опершись плечом о косяк, он отогнал стоявшую перед глазами картину — окровавленного Бай Яня, кромсающего собственную плоть, — и неторопливо открыл загадочную книгу.

Это издание разительно отличалось от фолиантов, которые он листал вчера в библиотеке. Те книги, даже будучи частью сновидения, состояли из букв, здесь же, под обложкой с тиснением «Жемчужина», не нашлось ни единой строчки. Страницы были заполнены черно-белыми набросками.

Это был... альбом для эскизов?

Автор рисунков обладал превосходной техникой: несколькими точными штрихами карандаша он вдыхал жизнь в людей, конные экипажи и архитектурные силуэты.

Проведя кончиками пальцев по шероховатой бумаге, Юйчуань принялся рассматривать пейзажи. Карандашные контуры изображали бескрайние пшеничные и кукурузные поля — сомнений не оставалось, перед ним было Поместье Бабочек.

На первом листе тянулся нескончаемый караван карет, заваленных сундуками и узлами. Судя по вычурным головным уборам, в головном экипаже восседала чета знатных особ.

Второй набросок запечатлел прибытие: повозки замерли перед парадным входом, дворня суежилась, разгружая вещи, а из дверей навстречу гостям выходил дворецкий. Его ливрея до мельчайших деталей совпадала с той, что они видели вчера.

Начиная с третьей страницы шли сцены их повседневной жизни после переезда. Пышные званые ужины в просторной зале, ленивые полуденные прогулки на лодке, тихие часы с мольбертом на лоне природы... Настоящая праздная жизнь аристократов.

****[Но почему у всех персонажей стерты лица? А хозяйка вообще почти всегда нарисована со спины!]**** — система незаметно очнулась ото сна и, перебирая деревянными лапами, заглянула в альбом через плечо Юйчуаня.

Юйчуань покачал головой. Куда сильнее, чем личность безликой госпожи, его внимание привлек один повторяющийся образ — израненная служанка.

Он ткнул бледным пальцем в рисунок, на котором предплечье бесформенной девушки было перечеркнуто двумя резкими грифельными штрихами.

Поначалу Юйчуань счел это случайной помаркой художника, но на последующих страницах эти «раны» на руках служанки появлялись с пугающей регулярностью. Вот она хлопочет у очага, вот несет тяжелую кладь, вот аккуратно красит ногти барыне... На последней из открытых страниц несчастная стояла на коленях у самой воды, наполняя ведро.

Эта безликая фигура мелькала в альбоме гораздо чаще всех остальных персонажей, затмевая собой даже законную владелицу поместья.

****[Что это значит?]****

Система тут же пустилась в пространные рассуждения.

****[Может, бедняжку жестоко избивали, она затаила злобу, а потом устроила тут кровавую баню?]****

— Нет, — тихо отозвался Юйчуань. — Шрамы начали распространяться.

Он перелистнул еще несколько страниц. И действительно — примерно с середины альбома точно такие же темные полосы проступили на тонких руках самой госпожи.

При этом общая атмосфера рисунков пока оставалась безмятежной. Хозяйка дома по-

прежнему музицировала, рисовала, пила чай у озера и блистала на званых вечерах. Всё выглядело тихим и благополучным.

Однако шрамов на ее теле становилось всё больше, а сами наброски приобретали зловещий оттенок. На рисунке, изображающем залитый солнцем берег, кроны деревьев были яростно заштрихованы угольно-черным. Белые просветы между штрихами причудливо складывались в жуткие оскаленные рожи.

Вся дальнейшая хроника резко переменилась. Над поместьем повисли грозовые тучи, а изящную жемчужную нить на шее женщины на одной из иллюстраций сменила глухая черная петля.

Юйчуань вернулся на несколько страниц назад, к сцене бала, где среди толпы разодетых господ застыли музыканты со скрипками.

****[Странный поворот сюжетной линии.]****

****[Со служанки исчезли все отметины, и они перешли к хозяйке. При этом они явно сблизились. Если судить по ранам, неужели девка заняла место своей госпожи?]****

****[Подобные подмены — классика жанра для дешевых романов.]****

Юйчуань не стал спорить.

— Смотри дальше, — бросил он.

Они преодолели лишь половину альбома, впереди оставалось еще немало набросков.

Дальнейшие рисунки вновь вернулись к рутинному описанию будней. Однако центральное место теперь занимала не чета владельцев, а дворня — конюхи, прачки, повара и лакеи. Художник будто напроочь позабыл о знатных господах, сосредоточившись исключительно на быте тех, кто гнул на них спину.

Страница за страницей изображали бесконечные хлопоты слуг. Каждому персонажу отводился разворот из двух листов. На первом рисунке слуга всегда был показан в момент какой-то беды: рассыпанные бусины драгоценного ожерелья, павшая лошадь, разлетевшаяся вдребезги фарфоровая ваза... Утрированные, испуганные позы безликих человечков наглядно передавали их дикий ужас перед неминуемой карой.

Но на следующем листе неприятность бесследно исчезала. Люди склонялись в глубоких поклонах, прижимали ладони к груди или вовсе распластывались ниц, выражая безграничную признательность.

****[Оу, а это еще что? Неужели в усадьбе завелся добрый домовый, тайно решающий все проблемы?]****

— Нет, — покачал головой Ши Юйчуань. — Это дело рук самого художника.

Все благодарные жесты были обращены строго к зрителю. Попавшие в беду слуги получали спасение от автора альбома и теперь безмолвно благодарили своего избавителя.

****[Надо же, а творец-то, оказывается, был благородной душой!]****

— Не спеши с выводами, пока мозаика не сложилась целиком, — охладил пыл системы Юйчуань и перевернул страницу.

Ракурс рисунков сместился за пределы усадьбы. Особенно часто на эскизах теперь мелькал дорожный экипаж. То у главных ворот, то у кромки воды, то посреди глухих кукурузных полей. Художник старательно запечатлевал карету в самых разных точках, словно прокладывая маршрут. Мрачные тучи постепенно рассеялись, уступая место чистому небу.

На последнем листе безраздельно воцарился красный цвет — резкий, пугающий, но пугающе закономерный. На белом листе толпились всё те же слуги. С одним лишь чудовищным отличием: на их пустых лицах проступили багровые глаза, точно такие же, как у жутких теней из ночного кошмара.

Поверх всего рисунка был размашисто начертан огромный красный крест.

Сопоставив карету, маршруты побега и следящие взгляды челяди, Ши Юйчуань глухо произнес:

— План провалился. Она не смогла сбежать.

****[Чего? Кто провалился? Я ничего не понимаю!]**** — система окончательно запуталась.

Юйчуань промолчал. Он открыл самый конец альбома. Лист, следовавший за красным крестом, был безжалостно вырван, но между страницами таился отдельный акварельный рисунок. На нем была изображена ослепительная красавица: водопад золотых волос, алые губы, алебастровая кожа, траурное черное платье и огромные крылья бабочки за спиной. В ней безошибочно угадывалась Госпожа, хозяйка Поместья Бабочек.

На обороте листа краснели выведенные от руки строки:

«Моя дорогая Чжэньчжу, Чжэньчжу моих сновидений...»

«Как бы мне хотелось, чтобы эти бабочки принесли тебе свободу».

Подписи не было. Лишь эти два предложения, чернила которых местами расплылись от времени.

[Итак, главный вопрос: кто же автор этих художеств?] — система продолжала недоумевать.

— Сама Госпожа, — ровным тоном ответил Юйчуань. В его голове уже сложилась четкая картина этой трагедии.

Молодые супруги въехали в роскошную усадьбу. Барыня, наделенная богатством и кучей свободного времени, предавалась изящным искусствам, чтобы разогнать скуку. Поначалу ее жизнь казалась сказкой. Беззаботная и прекрасная, она радовалась каждому дню, пока однажды случайно не наткнулась на синяки и шрамы у своей горничной. Пораженная этой дикостью, она решила докопаться до истины — и вскоре правда открылась ей во всем своем безобразии.

Ее благоверный, хозяин этих земель, оказался жестоким садистом. Он за закрытыми дверями измывался над челядью, покрывая их тела уродливыми рубцами. Движимая состраданием, молодая женщина попыталась вразумить супруга, но лишь сама превратилась в очередную жертву его вспышек гнева. И ее светлый мир в мгновение ока рухнул, затянутый непроглядным грозовым ненастьем.

[Так вот почему на всех поздних эскизах вечно льет дождь!] — осенило систему.

Жемчужное ожерелье превратилось в удавку на ее шее. Она оказалась заперта в золотой клетке Поместья Бабочек.

[Но постой! Если ее воля была сломлена, зачем рисовать слуг и эти дурацкие повозки?]

— Она и не думала сдаваться. Она была умна, нестигаема и планомерно готовила побег, — пояснил Юйчуань.

Каждая деталь в ее альбоме служила подготовкой к долгожданному освобождению. Для начала она завоевала доверие дворни. Умная женщина прекрасно знала, как вызвать искреннюю преданность у угнетенных людей. Всё шло по ее плану. Помогая слугам выпутываться из неприятностей, она заслужила их безграничную признательность.

— Она была искусной художницей и проводила дни на пленэрах. Ее страсть к рисованию повозок ни у кого не вызывала подозрений, — продолжал Юйчуань.

Так на свет появились многочисленные эскизы карет в самых разных частях поместья: у дорог, на полях, возле главных ворот. Обитатели поместья попросту привыкли видеть карету повсюду,

считая это очередной причудой своей хозяйки.

— Но ее предали. Тот самый раб, которого она спасала, в итоге донес на нее хозяину.

И на пустых лицах набросков проступили всевидящие шпионские очи, сопровождаемые ядовитым шепотом за спиной.

[... Вот же суки!] — только и смогла выругаться система.

Юйчуань с тихим хлопком закрыл альбом и принялся переодеваться в свои привычные брюки и рубашку. В реальном Поместье Бабочек не действовали эти безумные запреты, и ему больше не нужно было притворяться благовоспитанной гостьей.

[Охренеть! Чуань-чуань, ты куда собрался?] — занервничала система.

Сгусток темно-алой крови послушно сформировался в его ладони, превращаясь в смертоносный шип. Слегка ослабив узел галстука, Юйчуань с холодным раздражением процедил:

— Пойду переговорю с местным Боссом.

Пора было обсудить, как заставить ее добровольно отдать билеты на поезд. И как вытащить Бай Яня из этого липкого плена сновидений.

— О? А ты чего в цивильном? — раздался заспанный голос Син Цзя. Потирая опухшую щеку, он как раз выползал из своей комнаты и остолбенел при виде безупречно одетого Юйчуаня.

— Все правила заперты внутри кошмара. Снаружи ограничений больше нет, — ответил тот.

Юйчуань уже почти позабыл о существовании остальных членов команды.

— Твою мать! Да ладно?! погоди, я мигом переоденусь, эта чертова юбка меня доконала! — выпалил Син Цзя и испарился в глубине коридора.

Юйчуань притормозил у лестничного пролета, решив подождать напарника, но вместо шороха одежды сверху донесся дикий вопль. Направившись на крик, он обнаружил Син Цзя, который застыл перед зеркалом с абсолютно диким выражением лица.

— Короче, ты хрен поверишь... Мне ночью снилась какая-то лютая дичь, причем с твоим

участием... Ладно, ближе к делу. Короче, во сне я стал бабой, ляпнул лишнего и у меня начали сыпаться зубы...

Он изо всех сил оттянул пальцами губу, демонстрируя Юйчуаню пустые лунки. Во рту не хватало ровно шести коренных зубов.

[Ого. Получается, Фан Чжи и остальные тоже понесли нехилые потери?] — хмыкнула система.

Словно внезапно догадавшись о чем-то, Юйчуань оставил Син Цзя наедине с его зубами и стремительно направился к комнате Вэй Цзин на втором этаже.

Раздался глухой удар — Гроб усопшего, вырвавшись вперед, с разгона вышиб дубовую дверь. Из комнаты хлынул удушливый, почти зловонный цветочный аромат. Всё пространство спальни было до отказа забито черными розами, до боли напоминавшими вчерашние. Они устлали кровать, столы, пушистый ковер — живой ковер из лепестков.

Вэй Цзин лежала посреди этой черной охапки в том самом платье, что примерила накануне. Ее глаза были закрыты, дыхание отсутствовало, а на бледных губах застыла жуткая, безмятежная усмешка мертвеца.

— Сдохла? — подоспевший Син Цзя брезгливо зажал нос и поспешно отступил на пару шагов назад.

Тяжелый смрад быстро заполнил весь коридор второго этажа. Встревоженные игроки один за другим начали выходить из своих комнат. Быстро обменявшись парой слов, они поняли, что каждый из них в деталях помнит всё, что творилось ночью в кошмаре.

Жун Жун, баюкающая недавно сросшееся запястье, со страхом взглянула на Юйчуаня:

— Вскоре после того, как вы ушли, Вэй Цзин вернулась обратно. Совсем одна. Но она была сама не своя... Смотрела на это сырое пепельное мясо так, словно проголодалась до безумия. Мы честно пытались ее удержать, но...

Видя, что подруга от волнения начинает заикаться, Фан Чжи резко перебила ее:

— Да плевать она хотела на наши запреты. Объелась этой тухлятины, превратилась в какого-то зомби и с безумным видом ломанулась к себе наверх.

[Ну надо же. Собственными руками подписала себе приговор,] — без особого сочувствия констатировала система.

— Мы не занимались бесплатно нянчиться с зелеными новичками, — холодно процедил Хань Чэн. Похоже, он задействовал какой-то мощный регенеративный артефакт — его переломанная

рука двигалась абсолютно свободно.

Юйчуань промолчал. Он прекрасно понимал: в условиях жестких правил инстанса рамки дозволенного у Вэй Цзин были совсем иными. Попробуй они вмешаться силой — и подставили бы под удар всю группу.

Не желая тратить время на мертвеца, игроки разошлись по своим делам — переодеваться и зализывать раны. Коротко бросив Син Цзя быть начеку, Юйчуань отправился на поиски истинного хозяина Поместья.

Раннее солнце едва поднялось над горизонтом, когда во дворе появились первые служанки с метлами и ведрами. Задействовав «Голос сирены», Юйчуань допросил поочередно шестерых слуг, пока наконец одна из прачек не проболталась, где искать Госпожу.

— Госпожа уходит к реке у края полей на весь день, до самого заката, — безучастно пролепетала девушка. Она сделала особый акцент на дневном времени: в эти часы хозяйка была полностью поглощена рисованием.

А к ужину она неизменно возвращалась к гостям. Получалось, весь ее распорядок сводился к двум вещам — живописи на природе и ежевечерним сказкам.

Юйчуань помнил эти поля. Извилистая чистая речушка, густые заросли ив по берегам, склоняющие ветви к самой воде, и деревья, усыпанные спелыми осенними плодами. Именно это место раз за разом фигурировало на страницах найденного альбома.

Направившись туда в сопровождении послушного гроба, Юйчуань еще издалека заприметил изящный силуэт Госпожи и преданно застывшую подле нее горничную. Женщина стояла перед высоким мольбертом с палитрой в руках, нанося широкие мазки. Заметив приближение Юйчуаня, служанка прижала палец к губам, призывая к тишине.

[Что за мазня? Изображает красное яблоко на красной скатерти?] — съязвила система.

Но упреки системы были вполне оправданны — на холсте не просматривалось ни намека на реальные очертания. Женщина с каким-то остервенением размазывала багровую краску по бумаге. Ее мазки были настолько резкими и тяжелыми, словно она пыталась пробить кистью плотный холст и расколоть деревянный подрамник.

Юйчуань терпеливо продержался около двадцати минут, пока она наконец не опустила руку. Служанка тут же ловко сняла залитый багрянцем лист и закрепила свежий, девственно чистый ватман.

Госпожа плавно повернулась к нему и мягко улыбнулась:

— Дорогой гость, неужели вы тоже равнодушны к живописи?

— Да, — спокойно ответил Юйчуань. — И, смею надеяться, у меня неплохо получается.

Поняв его без слов, женщина грациозно отступила в сторону, уступая место у мольберта. Темноволосый юноша уверенно шагнул вперед, перевернул чистый лист обратной стороной и положил ладонь на деревянную раму.

Послушные струи темно-алой крови потекли по дереву и бумаге, сплетаясь в стремительные, точные контуры. Но он рисовал вовсе не идиллические пейзажи из альбома. Его кистью двигала беспощадная правда — те скрытые сцены ада, которые художница когда-то побоялась перенести на бумагу.

— Назвать вас Госпожой?.. Или лучше настоящим именем — Чжэньчжу?

На свежем рисунке проступили очертания прекрасной женщины, чья спина была исполосована плетью. На ее лице застыло выражение глухого отчаяния.

— Вы были умны и негибемы.

На фоне бесконечных эскизов карет проступали очертания заговора, который раскрыли задолго до его начала.

— Вы копили лютую ненависть и обиду.

Стоявшая рядом Госпожа вздрогнула, ее безупречное лицо исказилось судорогой, а краски начали стремительно покидать ее облик. Она буквально выцветала на глазах, превращаясь в плоский, безжизненный карандашный набросок серого цвета.

— Откуда у тебя это? — тихо, без прежней слащавости спросила Чжэньчжу.

— Из сновидения, — коротко бросил Юйчуань.

Ожидаемой вспышки ярости не последовало. Наступила тяжелая тишина. Темная кровь в руках Юйчуаня вновь заструилась, готовая в любой миг принять форму клинка. Он не чувствовал страха. Судя по словам Бай Яня, этот Босс не обладал сокрушительным могуществом, и с ней вполне можно было расправиться физически.

****[Охренеть! Откуда в ней столько спокойствия?]****

****[Может, она просто окончательно рехнулась от злости?]**** — система явно паниковала больше всех присутствующих.

Юйчуань покачал головой, не отрывая холодного взгляда от серых глаз Чжэньчжу.

— Итак... кто вы на самом деле? И действительно ли этот мир вокруг нас материален?

****[Что?! Если это не реальность, тогда что это вообще такое?!]**** — система впала в ступор.

— Смертный... ты оказался куда проницательнее всех, кто приходил сюда до тебя, — искаженное лицо Госпожи поплыло, теряя очертания, а окружающий мир начал стремительно блекнуть. Спустя мгновение сочные зеленые луга и голубое небо исчезли. Вся палитра пространства сузилась до безжизненных оттенков серого и пронзительно-красного.

— Потому что этот мир — и есть сон. Твой собственный сон, — произнес Юйчуань. Теперь, когда морок рассеялся, все нестыковки, терзавшие его с самого прибытия, наконец выстроились в логическую цепочку.

Лошади без шкур физически не смогли бы жить и тем более тянуть тяжелые кареты. Сгорающая дотла по расписанию библиотека каждое утро чудесным образом сияла чистотой. Билеты, лишённые даты отправления, бесследно растворялись вместе с погибшими игроками. Это разительно отличалось от Чумного корпуса, где каждый шаг был наполнен суровой, осязаемой реальностью. Но главным аргументом служили абсурдно мягкие, размытые правила поведения «днем», которые полностью противоречили смертельной опасности «ночью».

В памяти всплыли слова, напечатанные на их билетах: «Край вечного дурмана, где невозможно очнуться», «Лишь в объятиях грез можно обрести себя».

— С самого начала мы находились внутри твоего сонного марева, — подытожил Юйчуань. — В этом инстансе два вокзала. Один спрятан в кошмаре, а другой — в реальности.

Все разрозненные детали наконец сошлись в одну картину. Теперь становилось ясно, почему Бай Янь утверждал, что билетов Госпожи хватит на всех. Изначально в Поместье прибыло девятнадцать человек, но выжить и сохранить разум до этого момента удалось едва ли половине. Тех билетов, что хранились у призрачного Босса, действительно хватало с избытком. «Сонная» доля проездных листов могла без труда спасти уцелевших.

****[Ах, вот оно что! Ей нужно было затащить всех в кошмар! По сути, она ведь просто призрак сновидения, ее личная сила ничтожна. Ей приходилось использовать монстров реального мира, чтобы избавиться от лишних ртов?]**** — система запуталась еще сильнее.

Острое алого клинка замерло в паре сантиметров от серого лица Чжэньчжу. Юйчуань задал вопрос, который не давал ему покоя:

— У тебя нет личных счетов с игроками. Тогда для чего нам навязали эти роли? Какую цель преследуют все эти условности?

Если весь этот мир — лишь плод фантазии Жемчужины, то откуда взялись жесткие рамки ролей в реальном мире?

Из уст Госпожи вырвался тихий, горький смех. Окружающий мир дрогнул, серость отступила, и краски медленно вернулись на свои места. В следующее мгновение они очутились не у реки, а посреди просторной библиотеки. В камине весело трещали дрова, но на этот раз ни одна искра не вылетела на дорогой ковер.

— Я никогда не существовала на самом деле, — ее голос вновь обрел чарующее, бархатное звучание. — Я — всего лишь персонаж, рожденный чужой фантазией. Вы наверняка уже сталкивались с моей создательницей — графиней Анастасией.

При упоминании этого имени в глазах Госпожи вспыхнула глубокая, щемящая нежность. Она повернулась и подошла к массивному книжному шкафу, продолжая свой неторопливый рассказ и перебирая корешки книг.

— У каждой из нас, вымышленных госпож, за плечами была трагическая судьба. Создатели наделяли нас безупречной красотой и блестящими талантами. Но для наших «хозяев» всё это было пустой забавой. Эти напыщенные господа, извращенцы и садисты, мало чем отличались от сущих дьяволов. И абсолютно все обитатели усадьбы были для них лишь послушными игрушками. Без исключения, — твердо добавила она.

С этими словами она извлекла с полки тяжелый фолиант и аккуратно достала из-под обложки пожелтевший листок — ту самую утерянную страницу из Книги «Жемчужина».

— Я слаба. И моя создательница была столь же беззащитна перед их волей. Я соткана из обрывков чужих трагедий, черпая крупницы сил из кошмаров несчастных женщин. Они подарили мне этот лик, чарующий голос, тонкий художественный вкус... и на редкость уродливую судьбу. И... подарили мне счастливый финал.

Юйчуань бережно взял протянутый листок. Несколько минут он молча вглядывался в рисунок. На нем были изображены похороны. Но вместо траурного черного савана на покойной красовались великолепные крылья бабочки.

«И с тех пор Чжэньчжу стала полноправной хозяйкой Поместья».

Палач нашел свою смерть, а беззащитная жертва заняла его трон. Такова была заветная мечта автора этого альбома о судьбе своего персонажа.

— Но! — Госпожа внезапно потеряла самообладание, ее черты затуманились, а голос сорвался на яростный крик: — Мои сестры по несчастью до сих пор гниют в этом аду! Как я могла принять свободу, зная об их мучениях?!

[И тогда она, обретя власть над сновидениями, самолично уничтожила счастливый финал, заперла себя в этой клетке и подчинила своей воле вторую половину реальности...] — потрясенно прошептала система.

Кошмар сплавился с явью, породив смертоносный инстанс под названием Поместье Бабочек. И теперь души всех пленников были обречены на вечные скитания без надежды на спасение.

— Я каждую секунду молю о том, чтобы эти твари сдохли в страшных муках!

Но у нее не хватало для этого сил.

— Они тешатся чужой болью, выдумывая все новые извращенные сюжеты. Все книги в этой библиотеке — их рук дело. Они брали за основу реальные трагедии господ, но переписывали их, превращая финал в нескончаемый кошмар.

Будучи бессильным призраком, ей оставалось лишь использовать игроков в качестве своего карающего меча.

— Но почему... почему системные правила оберегают этих ублюдков?! В их половине мира сюжет развивается строго по их сценарию, и никто не в силах нарушить ход вещей.

Ей приходилось молчать. Открой она правду о наличии билетов раньше времени — и ни один здравомыслящий игрок не сунулся бы в смертельно опасную реальность. Сама Чжэньчжу была соткана лишь из светлых чувств и сострадания, у нее физически отсутствовала способность причинять вред.

Вспомнив об уцелевших напарниках, Юйчуань спросил:

— А как же остальные игроки, прибывшие со мной? Если ты столь безвредна, то кто содрал кожу с того несчастного в первый день? И что случилось с теми, кто не справился с ролью?

— Я просто дожидалась, пока они уснут, и переправляла их души в реальный мир, — без тени жалости ответила она. Судьба чужаков ее нисколько не волновала.

[М-да, ну и расклад... Все хороши. Но реальный мир действительно чертовски опасен,] — система затихла, пораженная избирательным состраданием Босса. Она пеклась лишь о «своих» жертвах, без раздумий бросая чужаков в пекло.

Стоило игроку обрести плоть в реальности, как он автоматически становился марионеткой в

чужом сценарии, а его материальное тело делалось пугающе уязвимым. Получив главную роль, бедолага неизбежно поддавался сладкому шепоту правил инстанса, окончательно теряя рассудок. Настоящий замкнутый круг, из которого не было выхода.

Посреди воцарившейся в библиотеке тишины негромкий голос Юйчуаня прозвучал как выстрел:

— Давай заключим сделку. Я уничтожу этих тварей. От тебя потребуется лишь одна услуга перед тем, как прибудет поезд.

[Ты с ума сошел?! Реально собрался туда лезть?! С твоей-то ролью...] — система запаниковала, пытаясь отговорить своего подопечного от безумного шага.

Черты Госпожи мгновенно прояснились. При этих словах ее глаза вспыхнули лихорадочным, безумным блеском.

— Если тебе действительно это под силу... я исполню любое твоё желание. Абсолютно любое.

[Время: 69:31:07]

[Платформа: Помесье Бабочек]

Син Цзя тупо уставился на зажатые в руке билеты, не веря собственным глазам. Он точно помнил, что они зашли в этот проклятый инстанс лишь вчера, а всю ночь он пробежал в дурацком женском платье, лишившись в процессе кучи зубов и не получив взамен ни единой зацепки. Утром они обнаружили очередной труп, после чего его загадочный напарник велел готовиться к бою и куда-то ушел.

И вот, еще даже не наступило время обеда, а Юйчуань уже вернулся, небрежно бросив на стол девять проездных билетов. Ошалело взъерошив волосы, Син Цзя перевел взгляд на Гроб усопшего, который деловито раздавал билеты столпившимся в столовой игрокам.

[Подходи по одному, не толпись! Хватит на каждого!]

На тот момент в сновидении Госпожи уцелело немного душ. Из ветеранов в живых оставалось пятеро: Фан Чжи, Хань Чэн, Жун Жун, Син Цзя и круглолицый парень в очках, прибывший с Лао Дао. Из новичков выжила лишь Луань Пань — Жун Жун успела подлечить ее откушенный язык с помощью своих способностей.

Раздав шесть заветных квитков, Гроб усопшего довольно фиксировал взлетевшие показатели системных очков, хотя в глубине души его не покидало смутное беспокойство.

Вошедший в комнату Юйчуань сразу перешел к делу:

— Если с наступлением сумерек вы останетесь в усадьбе, то снова окажетесь заперты в телах своих персонажей.

Игроков передернуло от этих слов — воспоминания о беспомощности прошлых ночей были слишком свежи. Оказаться запертым в хрупкой, лишенной сил оболочке — то еще испытание для закаленных ветеранов.

— Чтобы избежать этого морока, вам придется провести ночь за пределами территории усадьбы, — продолжил Юйчуань, но его бесцеремонно перебил Хань Чэн:

— Всю ночь напролет отбиваться от пепельных зверей?! Да это же форменное самоубийство!

— Не нравится — катись в реальный мир и пробуй выжить там, — жестко оборвала его Фан Чжи. Будучи специалистом по тяжелому вооружению, она без раздумий выбрала бой: — Лично я не горю желанием примерять на себя роль очередной безликой марионетки Госпожи.

Против этого аргумента Хань Чэну возразить было нечего, и он угрюмо замолчал. В реальной половине Поместья у них отбирали всё снаряжение и навыки. Оказаться обычным беззащитным человеком среди кошмаров — верная гибель.

Выбор был тяжелым, но игроки единогласно предпочли провести ночь в лесу, сражаясь с пепельными зверями в полной боевой готовности.

Поймав ободряющий взгляд Юйчуаня, Син Цзя подал голос:

— Да ладно вам, посмотрите на это с другой стороны: популяция этих зверей не бесконечна.

Пепельные звери рождались лишь из душ погибших здесь игроков. Судя по тому, что они видели у озера, их численность была вполне подъемной для слаженного отряда. До прибытия поезда оставалось продержаться всего три ночи. При хорошем темпе они смогут зачистить лес и со второй ночи спать по очереди.

Видя, что упаднические настроения сошли на нет, Юйчуань ровно произнес:

— Таковы условия нашей сделки с Госпожой. Вы зачищаете окрестности от тварей, она гарантирует билеты на поезд. Днем усадьба будет в вашем полном распоряжении для отдыха, лечения и пополнения запасов.

Охота на пепельных зверей продолжалась две ночи кряду. Результаты превзошли все ожидания: лес практически полностью очистили от чудовищ. Благодаря соглашению с Юйчуанем, призрачные слуги усадьбы теперь подавали игрокам нормальную, сытную пищу

вместо серого гнилого мяса.

Наступил третий день. Тени стремительно удлинялись, предвещая скорые сумерки. Услышав деликатный стук в дверь, Юйчуань неторопливо закрыл книгу «Мисс Сувэй» и положил ее на письменный стол.

В комнату зашел Син Цзя, облаченный в свежестыранную боевую экипировку. При виде Юйчуаня, который вновь натягивал нелепый шелковый халат с разрезом и пушистые домашние тапочки, он на секунду лишился дара речи.

— Друг... ну серьезно, зачем?! Если у тебя скрытая тяга к женским тряпкам, ты только скажи, я... — Договорить он не успел — тяжелый бок Гроба усопшего с разгона врезался ему под ребра.

— Сегодня ночью я должен вернуться на ту сторону, — спокойно прервал его Юйчуань. — Это — ключевая часть нашего договора с Госпожой.

На лице Син Цзя мгновенно отразилось понимание.

— Логично. Было бы слишком просто — покрошить пару десятков монстров и получить проездной от самого Босса, да еще и с трехразовым питанием.

Парень обладал неплохой интуицией и прекрасно понимал: раз напарник умалчивает о деталях, значит, ему туда соваться строго противопоказано.

Юйчуань лишь понимающе улыбнулся.

— Когда придет состав, не мешкайте. Бегите на платформу изо всех сил, — бросил он напоследок загадочную фразу и в сопровождении послушного гроба направился в сторону Зеркального озера. В этот раз Гроб усопшего должен был последовать за ним до самого конца.

В парадной зале нескончаемым потоком гремел званный ужин. Почувствовав, как фамильное кольцо на пальце внезапно обдало жаром, Бай Янь на секунду замер в растерянности. Вокруг него гремел пьяный хохот разодетых в пух и прах господ.

— А? Вы о виконте Джесси?

— Ха-ха-ха! Я только что видел, как он поплелся в сторону реки!

— Говорит, какая-то милашка назначила ему свидание прямо в кукурузном поле!

— О боги! Какая неслыханная дерзость!

<http://bllate.org/book/19751/2007417>